

А. В. Успенская¹

Ч. ДИККЕНС ОБ АМЕРИКАНСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЯХ

Размышления о современном состоянии российско-американских отношений приводят к выводу, что нынешнее небывалое жесткое противостояние обусловлено не только политическими и экономическими противоречиями. Эти противоречия, особенно между крупнейшими державами, существовали всегда: борьба за региональную и мировую гегемонию, торговые пути и рынки сбыта, наконец, за источники сырья. Но в современном противостоянии столько ожесточения и патетики, что трудно воспринять неистовые выпады политиков как просто демоagogическое прикрытие корыстных интересов, — похоже, происходит конфликт неких традиционных ценностей, свойственных нашим странам. Еще Достоевский говорил, что люди даже за хлеб не дерутся так ожесточенно, как за идею.

В основе этого духовного противостояния лежат различные ценности, веками культивировавшиеся в общественном сознании России и Запада. Действительно, протестантская этика капиталистического мира, особенно ярко проявившаяся в своем кальвинистском обличье в Новом Свете, куда массово эмигрировали европейские протестанты, противопоставлено соборной этике, питавшей традиционалистское общество Российской империи, отчасти — Советского Союза, имеющей аксиологическую значимость в России и по сей день.

Но какова суть этих традиционных ценностей, изначально присущих именно США, стимулирующих Америку противостоять не только России, но, в сущности, и Западной Европе, которая под натиском своего могущественного партнера все больше лишается политической субъектности и экономической самостоятельности? Для ответа на этот вопрос стоит обратиться к опыту самих европейцев, особенно англичан, связанных со своей бывшей колонией, увидевших еще на заре существования США некоторые основополагающие традиции, важные и для страны, и для окружающего мира, и являющие при этом симптомы острого неблагополучия.

В конце XVIII — начале XIX века государство, назвавшее себя «Соединенные Штаты Америки», бывшее до тех пор на периферии сознания европейцев, стало вызывать все больший интерес. Страна, восставшая против метрополии, свергнувшая власть колонизаторов, с оружием в руках завоевавшая свою свободу, провозгласившая, подобно древним грекам и римлянам, народовластие — республику и свободные выбо-

ры, — все это вызывало уважение и даже восхищение у либерально настроенной европейской публики.

Известные поэты-романтики С. Кольридж и Р. Саути, разочаровавшись в результатах Великой французской революции, хотели бежать в Америку, чтобы основать в этой свободной стране коммуны, и только отсутствие денег остановило их.

Один из величайших европейских писателей Чарльз Диккенс также испытывал интерес к Америке. К началу 1840-х годов он, уже достигший всевропейской славы, получил приглашение прочесть в США курс лекций на морально-нравственные и литературные темы. Власти молодого американского государства очень заботились о создании положительного имиджа страны и приглашали к себе известных деятелей науки и культуры.

Но надежды на благоприятное впечатление не оправдались. Вначале Диккенс выпустил в свет «Американские очерки», затем прибег к художественной форме осмысления поразившего его материала — написал роман «Жизнь и приключения Мартина Чезлвита», где часть действия происходит в США.

Прежде всего Диккенса и его героя, молодого Мартина Чезлвита, в попытке самоутверждения устремившегося из Англии в Америку, поразил глубокий провинциализм американской культуры. Мелким событиям, как, например, избрание члена муниципалитета, пресса придает чуть ли не всемирный характер. Первая же встреча на американском берегу яркими красками изображает средства массовой информации, имеющие в стране огромную власть. Пресса криклива, невыносимо вульгарна и продажна, за деньги она будет очернять или превозносить, постоянно искажая правду. Свобода печати имеет весьма причудливый характер. Диккенс перечисляет названия газет, иронически переименовав их: «Нью-Йоркская помойка», «Нью-Йоркский скандалист», «Нью-Йоркский клеветник», «Нью-Йоркский добровольный доносчик», «Нью-Йоркский грабитель». Но американцам это нравится: «Таковыми просвещенными путями выходят наружу бурные страсти моего отечества»², — говорит один из них. Американец называет прессу «оплот нашей разумной отечественной свободы, повергающий в трепет иноземных тиранов», «предмет зависти всего мира», «авангард цивилизации»³.

В целом духовный провинциализм выражается в отторжении не только политических реалий, но и культуры Старого Света, в разговорах персонажей постоянно чувствуется напряженная, полемическая противопоставленность Европе, что порождает одновременно и желание жесткого изоляционизма, и воинствующие мессианские настроения. Это не удивительно: ведь американская нация формировалась как нация эмигрантов, покидавших родину в состоянии обиды, неприятия прошлой жизни и невероятных эйфориче-

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор филологических наук, почетный работник сферы образования РФ. Автор более 100 научных публикаций и учебных пособий, в т. ч. монографий: «Антологическая поэзия А. А. Фета», «Античность и русская литература. Мотивы. Образы. Идея» и др.; учебника «Конфликтология духовной сферы» (в соавт.); статей: «Мережковский и Набоков», «Аполлон — победитель Пифона: идеи Винкельмана в поэзии и публицистике А. А. Фета», «Инобытие для героя: об одном из источников эпизода романа М. А. Булгакова „Мастер и Маргарита“» и др. Награждена медалью «100 лет профсоюзам России», почетной грамотой Министерства образования и науки РФ, почетным знаком Российского профсоюза работников культуры. Почетный профессор СПбГУП.

² Диккенс Ч. Собр. соч. : в 30 т. М., 1959. Т. 10. С. 316.

³ Там же. С. 317.

ских надежд на самореализацию в мире, где все можно начать с чистого листа. Психология отгалкивания от Старого Света как от устаревшего, отжившего, погрязшего в грехах и невежестве становится символом веры нового общества, вырастающего на пустом месте. «Я вижу, вы привезли с собою, сэр, обычный груз бедствий, нищеты, невежества и преступлений — в дар великой республике»¹, — приветствует эмигранта американец. — «Здесь вы узнаете, что такое свет солнца»². Сама культурная память о великих европейских многовековых достижениях подвергается насмешливому осмеянию, осознается как некие пережитки, от которых американцу, новому человеку, необходимо избавиться.

Официальная американская идеология, во многом сложившаяся под влиянием протестантских фанатичных проповедников, предлагает обществу манихейский миф, где создаваемый ими Новый мир — мир естественных людей (нечто вроде вольтеровского «дикаря»), не отягощенных грузом традиций и моральных предрассудков, — противостоит миру обветшавших духовных ценностей, миру неестественному, полному зла и неправды. Старые религиозные и общекультурные ценности — нравственная разборчивость, чувство чести, любовь к ближнему, сострадание, милосердие — и в самом деле помешали бы новому человеку добиваться индивидуалистического успеха любой ценой. В обществе, освободившемся от всех этих «комплексов», торжествует неприкрытый социал-дарвинизм, выжить и добиться успеха может только сильнейший, то есть наименее отягощенный нравственностью.

Вот, например, как Диккенс характеризует будущего конгрессмена, майора Паукинса: «Он был большой политик. Единственный его девиз по части тех обязанностей гражданина, от которых зависит честь и доброе имя его отечества, гласил: „Обмакнув перо, зачеркнуть все начисто и начать снова“. Поэтому он считался патриотом. <...> он умел весьма ловко мошенничать и мог открыть банк, организовать заем, основать компанию для спекуляции земельными участками (неся разорение, гибель и смерть сотням семейств). <...> Поэтому он считался замечательным дельцом. Он мог околачиваться в баре, разглагольствуя о государственных делах по двенадцать часов подряд. <...> Поэтому он считался оратором и другом народа»³.

В отсутствие связей с мировой культурой в обществе угасает духовное начало, единственной религией становится культ наживы. Все разговоры, «все заботы, надежды, радости, привязанности, добродетели и дружеские связи, казалось, были переплавлены в доллары». «Людей ценили на доллары, мерили долларами, жизнь продавалась с аукциона, оценивалась и шла с молотка за доллары»⁴.

В этом обществе для обогащения все средства хороши: поражает засилье разнузданной рекламы, сочетающей ложь, подтасовки и умолчание. Герой Диккенса и еще множество доверчивых выходцев из Старого

Света, не имеющих иммунитета к подобному промыванию мозгов, приобретают земли в диком краю, где собираются создать «Новый Эдем», райский сад. Рай оказывается адом — тяжелый климат, страшные болезни, неплодородные почвы, но благодаря рекламе туда едут все новые и новые эмигранты, многие — на верную смерть. Сам Диккенс, показывая гротескные картины этого Эдема, отмечает, что в нем отразилось все американское общество.

Мессианские интенции — вот еще одна удивительная черта молодого, недавно сформировавшегося, захолустного в культурном отношении американского государства 1840-х годов. Америка устами ее восторженных пропагандистов предстает осущившимся идеалом республиканской свободы, истинной демократии: «...мы образец мудрости, пример всему миру, вершина человеческого разума»⁵. Американское политическое устройство и образ жизни должны стать непререкаемым образцом для всего остального мира, погрязшего в деспотии. Подобный американоцентризм у Диккенса-сатирика приобретает анекдотические формы. Статья местного ничтожного журналиста Брика, как уверены американцы, конечно же, «ненавистна парламенту и Сент-Джеймскому дворцу».

Отказ от культурных традиций, сдерживающих моральных начал, самолюбование порождает еще одну черту молодого американского общества — самозванство, дилетантизм. Общественная жизнь полна самозванных философов, политологов, читающих бесконечные публичные лекции, выступающих в печати с непререкаемыми сентенциями («философия духа», «философия преступления», «философия растений» и т. д.). Домохозяйка готова прочесть лекцию и о правах человека, и о метафизике, и о гидравлике⁶. Ценностная иерархия отсутствует: чем крикливее, самоувереннее и легковеснее очередной лектор, тем большее внимание он завоевывает. Невиданный национальный нарциссизм часто принимает агрессивные формы: никто не должен критиковать Америку! «...ни один сатирик не мог бы дышать этим воздухом. Если бы среди нас появился второй Ювенал или Свифт, его затравили бы». Любой критик коренных национальных основ американской жизни подвергается «грязной и грубой клевете», становится объектом «закоренелой ненависти и фанатических гонений»⁷. «Вы тут не в деспотической стране, — говорит типичный американец Чоллоп. — Мы пример для всего земного шара, и потому нас надо уважать, предупреждаю. <...> Я и не за то всаживал пулю и убивал на месте»⁸.

Не обошел Диккенс и проблему рабства, за которой скрывалась более общая проблема расовой нетерпимости, свойственная американскому обществу. Даже аболиционисты находят негров «смешными», «забавными», похожими на обезьянок, а антипатию между черными и белыми — естественной.

Диккенс прежде всего опирался на собственные впечатления. Но он гениально смог угадать некоторые направления общественного развития Америки, кото-

¹ Диккенс Ч. Указ. соч. Т. 10.

² Там же. С. 329.

³ Там же. С. 329–330.

⁴ Там же. С. 336.

⁵ Диккенс Ч. Указ. соч. Т. 10. С. 342.

⁶ Там же. С. 352.

⁷ Там же. С. 339.

⁸ Там же. Т. 11. С. 123.

рые показались ему, представителю культурной элиты Старого Света, не только смешными и уродливыми, но и откровенно опасными. Демократическое общественное устройство вовсе не мешало пропаганде американской мечты о постоянном продвижении вперед, отодвигании границ, сначала — на Дикий Запад, далее — по всему миру. Дж. Вашингтон еще на заре американской независимости, в 1783 году, называл новорожденную страну «поднимающейся империей». И комплекс превосходства над Старым миром, мессианского избранничества изначально являлся одним из смыслообразующих факторов этой новой цивилизации.

Джон Адамс писал в 1765 году: «Я всегда с почтительным изумлением размышляю о заселении Америки как о начале великого плана и промысла Всевышнего, имеющего целью просвещение и освобождение поработенной части человечества»¹. Этот комплекс избранности отразился и в художественной литературе. Г. Мелвилл писал: «Мы, американцы, — особые, избранные люди, мы — Израиль нашего времени; мы несем ковчег свобод миру... Бог предопределил, а человечество ожидает, что мы совершим нечто великое... Остальные нации должны вскоре оказаться позади нас»². Впрочем, в своем знаменитом романе «Моби Дик, или Белый кит» Мелвилл отказывается от безоглядного оптимизма, изображая аллегорическую картину: Америка, как несчастный корабль, несущийся по бурному морю за фантомной целью и ведомый

безумным капитаном, задумавшим истребить мировое зло.

Диккенс же, насмотревшись на чудеса молодой американской демократии, с гневом и сарказмом пишет об американской элите, которая на каждом шагу обнаруживает полное непонимание великих принципов, создавших Америку: «Доведя свою родину до того, что ее презирают все честные люди, они посягают на права еще не родившихся наций, более того — на самый прогресс, но даже не понимают этого, а если и понимают, то сокрушаются об этом столько же, сколько свиньи, которые валяются в грязи на улицах. Они думают, что кричать другим народам, коснеющим в беззаконии: „Мы не хуже вас!“ (*не хуже!*) — достаточная защита и оправдание для республики, только вчера пустившейся в свой славный путь, а сегодня уже до того искалеченной, до того изъеденной язвами и болячками, оскорбительными для глаз и не поддающимися исцелению, что лучшие друзья с презрением отворачиваются от мерзкой твари»³.

Диккенс очень сочувствовал великим идеям, вдохновившим создателей американского государства, — идеям свободы, равноправия и справедливости. Но он видел и опасности, подстерегавшие эту страну, коренящиеся в самих ее традициях, однако, как он и ожидал, американцы ответили лишь негодованием. Не услышали или не приняли всерьез его предостережений и жители Старого Света.